

КРОКОДИЛ

ПОХОЖИЕ МЕТОДЫ

— Почему наши вожди объявили Христа национал-социалистом?

— Потому что он так же пытался кормить народ пшеницей.

ЛЕВ, ЛИСА И ДРУГИЕ

НАРОДНАЯ СКАЗКА, ЗАПИСАННАЯ
В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Пошел один член профсоюза погулять.

Присел он там где-то на камушек и сидит в великолепном настроении.

И вдруг видит: бежит коло него лиса. Обыкновенная лиса, но тоже в свою очередь член профсоюза.

И вот бежит эта лиса со своим хвостом и на ходу все время кушать хочет. Иначе она бежать не может.

И вот она бежит и видит — такая славная картинка: сидит член профсоюза на камушке.

Вот лиса сказала и говорит:

— Чего вы, — говорит, — уважаемый деятель, сидите на камушке?

А наш молодой красавец в свою очередь так ей вежливо отвечает:

— А твое какое дело, мамаша? Катись себе дальше.

И, стало быть, от нечего делать порылся он в карманах, достал оттуда кусочек сахарку и кинул его лисе. Дескать, нате, отвяжитесь.

Вот лиса исключительно обрадовалась, что ей подали сахар, и отвечает:

— Вот спасибо, молодой человек. Этого я вам никогда не забуду.

Так она сказала и говорит и с этими словами вдруг исчезла.

И вот, стало быть, случилась с этим молодым начинающим принцем беда: его из союза выперли за невзнос членской платы.

И вот, конечно, он крайне загорюнился. Присел в свою очередь на камушек и горько заплакал.

И, стало быть, плачет он горько и снова видит: бежит коло него лиса.

Бежит коло него лиса и так ему отвечает:

— Ты что, дурак, плачешь?

Тот говорит:

— Да как же мне не плакать: со мной беда стряслась.

Лиса говорит:

— Вы, — говорит, — меня в свое время накормили сахаром, и теперича я хочу ослобонить вас от этого горя. Просите у меня, чего хотите, а я вам буду это исполнять. Или я вам дам совет против любого огорчения.

Наш красавец говорит:

— Видите, меня из союза выперли за не-

взнос платы. Я полгода не платил. Не посоветуете ли мне чего-нибудь такое оригинальное, чтобы я из беды вышел и деньги сохранил и чтобы у меня от этого настроение улучшилось.

Тут лиса истерически засмеялась и говорит:

— Только и делов? Ну тогда глядите, как я поступаю. И вы всякий раз берите с меня пример.

— А скажите, как же вы поступаете? Научите, сделайте милость.

— А я так поступаю, — говорит лиса, — я членские взносы платить не люблю и никогда этим не занимаюсь. Ну там раз в десять лет я запишусь в союз, а после они меня за неплатеж непременно вышибают. А потом дураки сами пристают: поступайте, говорят, в союз; это прямо неприлично, что вы в стороне от профсоюзного движения. Вот я несколько лет, конечно, ломаюсь, а после снова поступаю. И опять та же картина.

Так она ему говорит и при этом веселится и хохочет. И тот тоже хохочет и дурачит:

— Так я и сделаю.

Но вдруг из лесу лев идет. Обыкновенный лев, но, в свою очередь, — тоже член профсоюза и еще что-то такое.

Вот лев услышал эти слова, ужасно смутился и в своем нетерпении так лисе отвечает:

— Ты что же это, сукина дочь, советуешь! Да разве можно такие богомерзкие слова преподавать. Ах, как это некрасиво с вашей стороны материально ослаблять организацию плюс портить нетронутую душу члена профсоюза. Вот за это я тебя сейчас с'ем.

Лиса говорит:

— Господин лев, зачем же вы меня будете кушать? Может, меня сам союз не трогает. А тут каждый лев строит такие угрозы. Еще чего!

Лев, чуть не плача, говорит:

— Неужели тебя союз не трогает?

— Нет.

— Ну, а, например, на службе — группком союза что же смотрит на такие арапские взносы?

— Да у него своих делов по горло. Он занят.

Иллюстрации Н. Ротова

Тут лев прямо пришел в веселое настроение.

— Да, говорит, чем он, кроме этого, занят? Что вы меня смешите! Разве это когда-нибудь бывает?

Лиса говорит:

— Иногда это действительно бывает.

— А что же они у вас делают?

— А видите, они ожидают, что им скажут, чего им делать и как вообще поступать. А от этого ожидания они слабеют в своем рвении к этим повседневным делам. И через это они многое не видят и живут

как в тумане. А так-то они еще ничего, довольно бодро держатся. Крепыши.

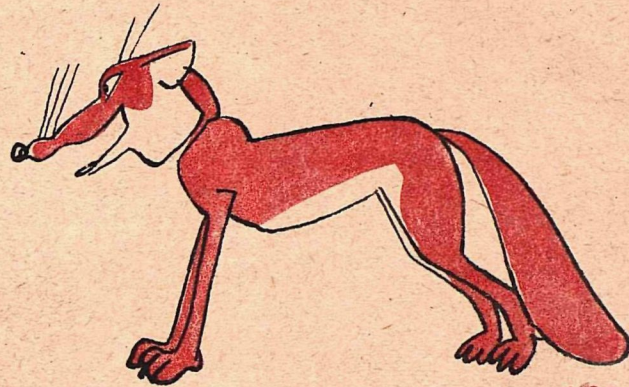
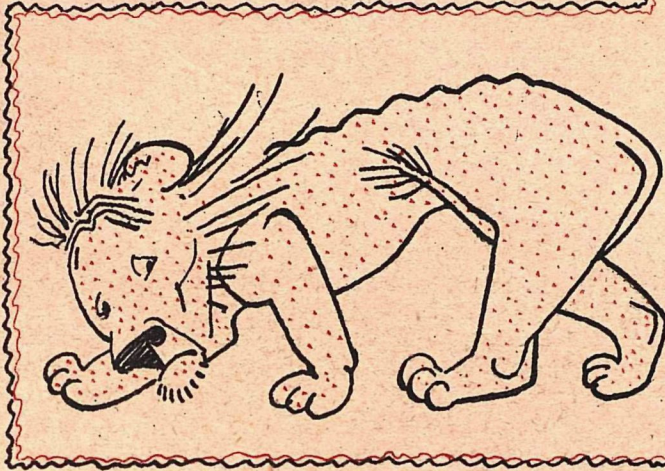
— Ах, вот что, — задумчиво сказал лев и пошел по своим делам.

А нравственно распущенная безнадзорная лиса сказала и говорит ему вслед:

— Еще дурак с'есть хотел. Почисти тебя видали! А ну-ка, подойди, я тебя сейчас сама сожру.

И тут они вдвоем с молодым красавцем начали петь, веселиться и взносы не платить.

БРАТЬЯ А. и Н. СОКИНЫ, заслуж. деят. М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ и Л. ДЕРГАЧЕВ

ПОЧЕМУ Я ЗАТКНУЛ УШИ ВАТОЙ

— Вы спрашиваете меня, почему я затыкаю уши ватой, когда сажусь за руль? Я это делаю потому, чтобы не слышать, о чем говорят пассажиры.

— Разве это неинтересно?

— Сначала это еще было интересно... Но потом — нет, нет... У меня всегда в кармане найдется предохранитель для ушей — «Мезе». Он защищает уши от ветра, от шума, от сырости, а меня — главным образом от разговоров пассажиров... О, как устаешь от чужих разговоров! Очень бывает тяжело... Вначале интересовался, даже записывал.

Шофер такси за № 30390 достал записную книжку...

— Вот она... Что к чему, вы сами поймете. Я вам буду читать подряд.

И шофер начал читать.

«— Что дома?»

— Ничего. Комнату оклеили... Ты хорошо загорела. Весело было в доме отдыха?

— Ничего себе... Научилась танцевать... Ты бы кепку себе новую купил... И почему ты небритый?

— Не успел... Тебя встретить — и то еле время выкроил... Даже чаю еще не пил.

— Не кури...

— Что ты нервничаешь? Не успела приехать, как уже нервничаешь.

— Не можешь говорить тише!.. Как мне надоела эта жизнь!

— Очевидно, не жизнь тебе надоела, а я. Так бы прямо и сказала.

— Ну, давай не ругаться...

— А мне передавали, что ты в доме отдыха совсем не скучала, а наоборот?

— Что ты хочешь этим сказать?..

— Ничего... Только хочу сказать, что с другими тебе не скучно, а с мужем скучно.

— О, боже мой, эти вечные упреки!.. Отдыхаешь на курорте, набираешься сил... Приезжаешь домой, и опять этот ад, этот дождь, эта слякоть...»

Счетчик показал 5 р. 80 коп.

«— Почему вы мне об этом раньше не сказали?»

— Я не знала.

— Странно... И ничего теперь нельзя сделать?

— Поздно...

— Что ж будет?

— Буду рожать.

— А ваш муж?

— Я признаюсь... Я ему скажу, что я вас люблю...

— Не делайте этого. Глупо... И потом, вдумайтесь, в какое неловкое положение вы меня ставите... Меня это дискредитирует. У меня невеста. Она узнает. Что я ей скажу?.. Я передовой человек. Я не могу пойти на это. Ну, не плачьте. Слышите, не плачьте!.. Мне надоели эти слезы!.. Вот сейчас придем к доктору. Поговорим, возможно, что-нибудь можно сделать...»

Счетчик показал 3 р. 30 коп.

«— Я люблю приезжать на бега за пять минут до начала, а сегодня опаздываем. Эх, опаздываем!.. На часок опаздываем.

— Куда ты торопишься, еще успеешь проиграть».

Счетчик показал 6 р. 10 коп.

«— Какое счастье сидеть с вами рядом... Держать вашу руку в своей руке... Мы сейчас приедем ко мне... Я заварю крепкий чай и прочту вам свою поэму. Я эту поэму посвящу вам, моя радость! Тысяча строк!»

— А сколько вам платят за строчку?»

Счетчик показал 1 р. 40 коп.

«— Ужасные люди, эти Канчуки. Она еще ничего, а он просто мерзавец. Ну что, сидели вечер, сплетничали и играли в карты. А еще коммунист... Не надо было к нему ехать... Небось, сейчас они и о нас говорят разные гадости.

— А зачем же ты к этому Канчуку ехал?..

— Скучно. Думал, будет весело... Теперь придется их и к себе приглашать... Кормили плохо. Скупые... У нас дома найдется чего покушать?»

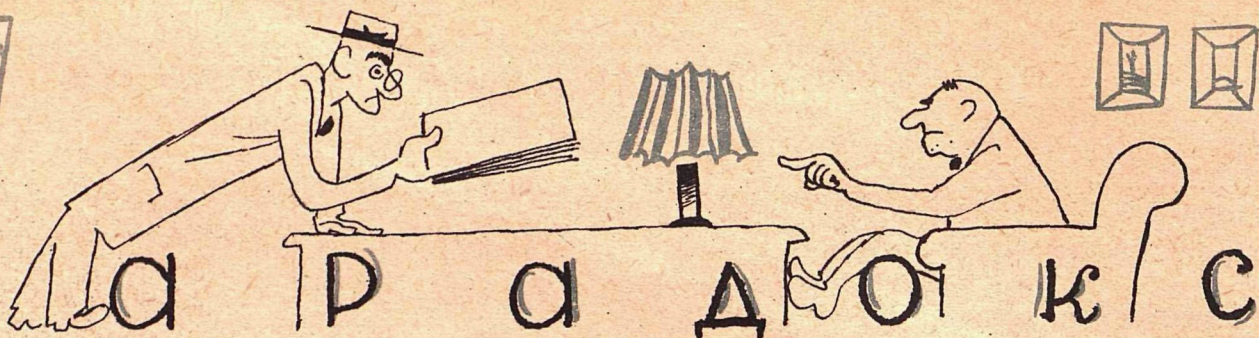
Счетчик показал 2 р. 20 коп.

Шофер спрятал книжечку.

— Довольно, — сказал он. — Я ведь тоже не бесчувственный. Мне часто бывало жаль моих пассажиров, часто я их ненавидел. Мне иногда хотелось вмешаться... О, как я устал от этих разговоров! При том они так похожи друг на друга. Иногда казалось, что все время возишь одних и тех же пассажиров... Но теперь мне плевать. Говорите о чем хотите, я не слышу. Я заткну уши ватой.

Б. ЛЕВИН

Молодой, но уже отчасти известный драматург принес директору пьесу. Директор взял манускрипт в руку и строго спросил:

— Вы в каких отношениях с Ромуальдом Федоровичем?

— В хороших.

— Прекрасно. Сколько?

— Чего сколько?

— Женских ролей сколько?

— Восемь.

— Маловато. Нам, в сущности, нужно штук одиннадцать. Ну да как-нибудь. Все-таки лучше чем две. Действий?

— Что действий?

— Действий сколько?

— Пять.

— Сделаем три. Чтоб кончалось в половине одиннадцатого. Музыка много?

— Вы меня не совсем поняли. Это драма.

— Ничего, мы сделаем весело. И с музыкой. Ромуальд Федорович как раз был у нас позавчера и спрашивал, почему это мы не ставим веселых пьес. Так что это вы не беспокоитесь. Студенты есть?

— Где?

— Ох, милый какой же вы тугодум! Я спрашиваю: студенты у вас в комедии есть?

— Есть. Один. Не совсем студент, но вроде. Как раз собирается держать экзамен в строительный техникум.

— Это неважно. Комсомолец?

— Комсомолец.

— Хорошо. А девушки?

— Что девушки?

— Девушки — комсомолки?

— Одна комсомолка, а другая беспартийная.

— Так. Одна положительная и одна отрицательная. Ничего. Из метро никого нет?

— Нет.

— Жаль. А почему бы вам не сделать положительную девушку метростроевой?

— К сожалению, нельзя. Она у меня уже вузовка.

— Простите за нескромный вопрос: какого вуза?

— Медичка. На доктора учится.

— Ага. Можно считать — почти член союза всемедикосантруд?

— Пожалуй.

— Ну, это ничего себе, сносно. Военных нет?

— Есть один. Артиллерист.

— Академик?

— Нет. Строевой.

— А его нельзя сделать академиком?

— В сущности, конечно, можно, но...

— Тогда пусть лучше будет академиком. Ладно? Трамвайщиков нет?

— Нет.

— Строительных рабочих нет?

— Нет.

— Профессоров нет?

— Профессора есть.

— Сколько?

— Два.

— Положительный и отрицательный?

— Верно! Откуда вы догадались?

— Милый!!! Не зря деньги получаю. Симпатичная старушка — домашняя работница — найдется? Нету? Очень жаль. А соседка с флюсом? Тоже нет? Вы меня огорчаете. Что ж у вас есть?

— Есть бывшая монашка. Делает стеганые одеяла.

— Пьет потихоньку водку?

— Откуда вы знаете?!

— Дорогой мой!!! Ну-с, значит, так сказать, все. Будьте здоровы!

— Когда прикажете зайти: недельки через две?

— Что вы! Приходите месяца через четыре.

— Через четыре месяца!!!

— Ну да. Что вас удивляет?

— Через четыре месяца за ответом?

— Ох, дорогой мой, какой вы трудный человек! Не за ответом, а на общественный просмотр.

— А за ответом?

— Какой может быть ответ? Ответ обыкновенный: ваша пьеса принята, будет поставлена и пройдет двести сорок пять раз с аншлагами. Поздравляю вас!

— Вы ж еще ее не читали!

— И читать не желаю.

— Откуда ж вы знаете, что она пройдет с успехом?

— А я вам не говорил, что пройдет с успехом.

— Позвольте: двести сорок пять раз с аншлагом...

— Вот именно. Тридцать пять вечерних абонементов, двадцать два утренних, пятьдесят проданных спектаклей для Пролетстуда, двадцать — для трамвайщиков, семнадцать — для бетонщиков, тридцать четыре — для медикосантруда, пять — для Военной академии...

— Виноват, я вас перебью. А если бетонщики не захотят?

— Не захотят? Дитя!!! Плакать будут, а захотят. Ну, простите, мне надо еще в центральную театральную кассу с'ездить подписать договор на продажу двухсот спектаклей «Волки и пчелки».

— Разве у вас идут «Волки и пчелки»?

— Через два года поставим.

— А вдруг выйдет плохо?

— Ребенок! Там, где есть плановое распределение билетов, не бывает пло-

хих спектаклей. Заметьте себе. Ну, пока!

Через два года молодой, но уже довольно известный драматург снял бобровую шубу и лицо вошел в кабинет директора театра.

— Получите новую пьесу. Ромуальд Федорович в восторге. Пятнадцать женских, десять мужских, двенадцать положительных, тринадцать отрицательных, пять метростроевцев, шесть трамвайщиков, семь бетонщиков, три профессора, масса забавных старушек, студенты, члены состоятельных профсоюзов, музыка, три действия... За триста спектаклей ручаюсь.

— Приходите через две недели.

— Неужели успеете?

— А почему ж нет? Пьеска небольшая. Пятьдесят страниц. В день по три странички...

— Я думал, вы уже хотите через две недели поставить.

— Что вы, милый! Прочитать сперва надо.

— Зачем же читать, когда и так все ясно. Ромуальду Федоровичу нравится...

— Ну так пусть Ромуальд Федорович и ставит, если ему нравится. А мне надо, чтобы публике понравилось. А то мы прогорим.

— Зачем же публике чтобы нравилось? При чем здесь публика? И так пойдет. Профессоров пригонят, бетонщиков пригонят, Пролетстуд пригонят...

— Увы!

— Что увы?

— Увы!

— Вы меня пугаете. Что случилось?

— Только через кассу.

— Что через кассу?

— Билеты, дорогой мой, билеты.

— А если публика на мою пьесу не захочет покупать билетов?

— Вот в этом-то и штука.

— Как же быть?

— Писать пьесу, чтоб понравилась публике.

— Легко сказать!

— Вот именно — легко сказать.

— Гм... Вы меня просто убили. Так, значит, я зайду за ответом через две недели. А если пьеса будет... не совсем... так сказать, недостаточно... гм...

— Тогда не возьмем. Плохую пьесу не возьмем.

Драматург шел по улице и, криво улыбаясь, шептал:

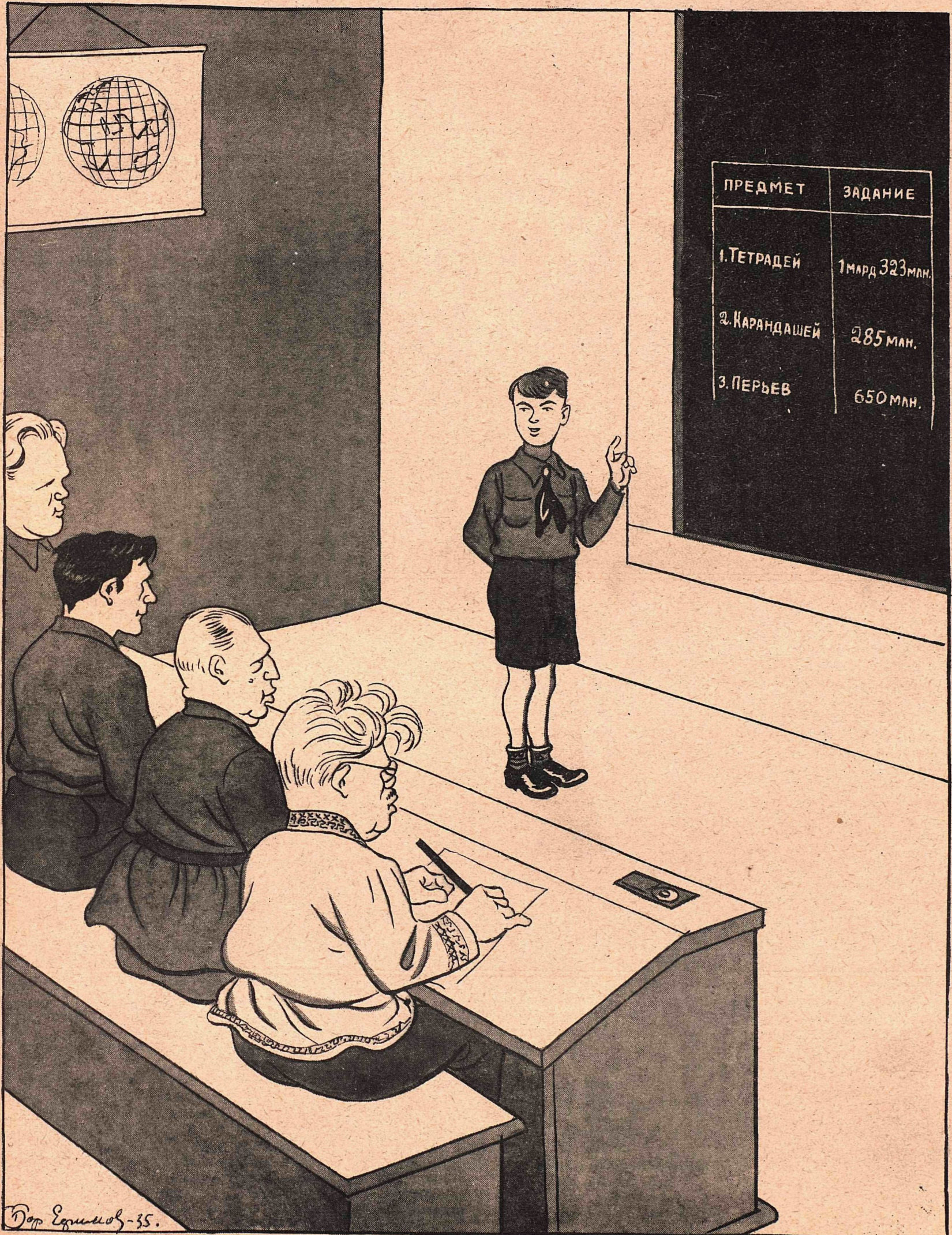
— Подавай им хорошую пьесу. Ишь ты! Плохую, говорят, не возьмем. Буквально какой-то парадокс. Кто бы поверил! И главное — когда? На восемнадцатом году революции! Чудовищно!..

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

К ПИСЬМЕННЫМ УРОКАМ ПРИГОТОВИТЬ

Рис. Бор. Ефимова

РАЗГОВОР НА ВЕРАНДЕ

На отельной веранде, выходящей на море, сидел пожилой итальянец и для представительства пил самый дорогой ликер.

— Сэм, — шумно сказала мужу пожилая американка, — повернись к нему по возможности спиной. Эти варвары напали на Абиссинию.

— Скажи это и нашей Клэр, — засопел лысый толстый американец, — она разговаривает с сэром Бикконгом, а сама стреляет левым глазом в итальянца. Клэр, если тебе не трудно, стреляй в другую сторону! Сэр Бикконг, не хотите ли вермуту?

— Англичане не пьют вермут в присутствии людей, нападающих на мирное чернокожее население, — с расстановкой ответил сэр Бикконг, поправляя запонку и кивнув затылком на итальянца.

— Придется переехать в другой отель, — еще шумнее заявила американка, — я не могу жить в одном коридоре с разбойниками. Сегодня он задушит Абиссинию, а завтра меня. И еще со всем семейством. Клэр, не пей ром сразу по две рюмки. Здесь не атака абиссинской деревушки, а отель. Завтрак.

Итальянец быстро расплатился с кельнером и, скользя между столиками, вышел.

— Ушел, — проворчал толстый американец. — Типичный Тамерлан последнего десятилетия.

— Культура победила! — веско произнес сэр Бикконг и обвел столик итальянца подметающим все нечистоты взглядом.

— Сэм, — гневно заявила американка, — купи мне бронепоезд или вообще что-нибудь вооруженное. Я не могу оставаться пассивной зрительницей мировых несправедливостей. Клэр, не мешай виски с коньяком. Ты не в абиссинском ущелье, а с папой, с мамой и уважаемым сэром Бикконгом.

— Ой, надоело! — встряхнула завитыми кудряшками тощая Клэр. — Ну что вы пристали ко мне с этой Абиссинией? Подумаешь — страна! Спереди кустарники, посередине горы, а сзади нефть.

— Как ты сказала? — тревожно оторвался от пулярдки толстый американец. — Спереди кустарники, а сзади нефть? И много?

— Кустарников?

— Пусть их берут итальянцы, эти кустарники! Я тебя спрашиваю о нефти.

— Много, — нехотя кинула Клэр. — В прошлом году учила. На севере нефть, посередине золото и маисовые плантации, а на юге каменный уголь.

— Неужели и каменный уголь? — озабоченно отставил бифштекс сэр Бикконг и повернулся спиной к Клэр. — Это становится почти интересно. Такой некультурный народ — и вдруг в земле каменный уголь. Большая опасность для человеческой культуры.

— И не говорите, сэр, — обиженно вздохнул американец. — Чернокожие всегда устроятся. Сами вверху, а внизу нефть. Типичная черная опасность. Я всегда говорил, что не люблю негров.

— Они не негры, — сухо вставила Клэр. — Они другой национальности.

— Не мешай старшим, — заметила американка. — У нефти нет национальности.

— У каменного угля тоже, — задумчиво добавил сэр Бикконг. — Интересно бы поговорить с этим самым итальянцем. Довольно симпатичный профиль.

— Римский, — быстро согласился американец, — у них у всех такие. Как Юлий Цезарь. Тиберий. Спиноза.

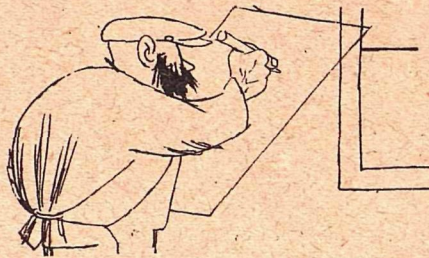
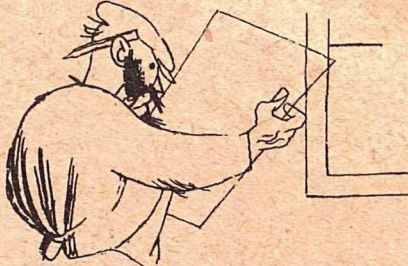
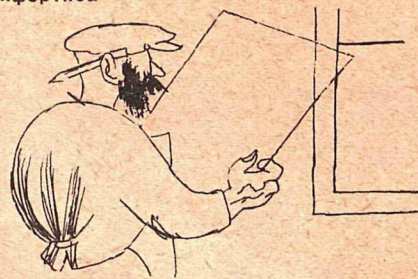
— Завтра уезжает, — зевнула Клэр, поправляя волосы. — Горничная говорила. Какой-то банкир из Милана. Приехал сюда договориться насчет будущих концессий в Абиссинии.

— Мы, кажется, с ним в одном коридоре живем, — робко заметила американка, — хорошо бы познакомиться. И всем семейством.

— Совершенно верно, — согласился американец, — со

СТЕКОЛЬЩИК ДОВОЛЕН, НО...

Рис. Л. Сойфертиса

ФАБРИКА ИМ. КРАСИНА

...весьма недовольны школьники, которым приходится пользоваться сверхтвердыми и царапающими бумагу карандашами изделия фабрики им. Красина.

всем семейством. И с каменным углем, и с нефтью, и с маисом. Жаль, что сэр Бикконг сел к нему спиной. Я бы хотел, чтобы будущий муж моей дочери сидел к полезным людям другими частями своего организма!

— Это вы, мистер, сели к нему спиной как лошадь!

— А кто на него затылком кивал? Не узнать, в каком номере остановился деловой человек, и еще кивать затылком! Типичная британская неуравновешенность!

— Мы еще поговорим, мистер будущий папа! — сухо ответил мистер Бикконг, встал и пошел к выходу.

По пути он о чем-то пошептался с кельнером и сунул ему в руку серебряный доллар.

— Сэр, сэр, а жулик, — угрюмо вздохнул американец, — уже побежал к итальянцу договариваться. Тоже еще — жених!

— Человек еще не старый, — извиняюще добавила американка, — нефть в голову ударила. Дай горничной больше — она тебя первого к итальянцу пустит. Ну, иди, ну, что ты сидишь?..

Застегивая на ходу пиджак, американец засеменил в отель.

— Можно коктейль заказать? — вяло протянула Клэр. — Ананасный?

— А, да ну тебя, заказывай, — всхлинула американка. — Я тебе говорю: стреляй глазами, стреляй. А ты сидишь как мелкая статуя и никакого внимания на итальянца! Миланские банкиры на улице не валяются. Увлечется вот какой-нибудь широкооротой испанкой, а отец и жених должны у него из-за тебя теперь пороги обивать, пока о концессиях договорятся!.. Не смей заказывать коктейля! Пей лимонад, если ты такая!

Арн. БУХОВ

Мы выведем немецкое крестьянство
на широкую дорогу.
(Из заявлений фашистских
вождей)

Рис. Л. Бродаты

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА В ДЕЙСТВИИ

—Вот и вывели они нас, Михель, на широкую дорогу...

БОЙ ЦВЕТОВ

Древнерусская княгиня Ольга умело напакостила одному вражескому городку. Она скупала с небольшим убытком всех городских голубей, прищипала к ним горящую паклю и пустила их обратно. Через час город горел как полено в топке, а мстительная женщина ужинала холодным мясом и сквозь зубы напевала: «Гори-гори ясно, чтобы не погасло...»

И даже добавила не менее популярную, но весьма обидную для описываемого момента строку:

«Взглянь на небо — птички летят».

Костя Безубов не был таким мстительным. Он не сжег города. Значительно позже случая с древнерусской княгиней, а именно в августе 1935 года, Костя был назначен заведующим единственной в городе мастерской, поставившей государственные пижамы, галстуки и стандартные носки в полоску для трудящихся. Два частника, обшивавшие до этого на заказ кальсонами и спецфуфайками неорганизованное население города, свернули свое производство, переквалифицировались на спекуляцию коврами, и город незыблемо перешел во власть Кости.

Тут-то и началось оскорбление города действием, которое мы и хотим занести в наш краткий протокол.

Прежде всего Костя потребовал, чтобы для мастерской нашли хороший манекен.

— Только смотри, чтобы с фигурой было, предупредил Костя своего помощника. — Может, банщика какого найдешь или бывшего присяжного поверенного из беспартийных. У них фигуры хорошие. И чтобы рост был. Без роста не приведи. Не возьму.

В манекены долго никто не хотел идти. Сначала соглашался один местный поэт, но требовал, чтобы на рубашках печатали его фамилию. Но потом отказался, поверив в свой творческий талант. Вызвался один кооператор, но выяснилось, что он отбывает условное наказание за растрату и днем на улицу выходить не хочет. После целого ряда других кандидатов пришлось остановиться на маркере Мишкине, из бывшего «Альказара» — ныне объединенного клуба работников кино и пушнины.

— Насчет фигуры не сомневайтесь, — успокоил он Костю Безубова, — фигура у меня

привычная. Левой рукой до второго борта достаю, когда в пирамидку с хорошими гостями играю.

— Руки у тебя уж очень того... Сверх нормы, — кисло проворчал Костя. — Вырастил их на казенных хлебах.

— Работник кия. Нечего не поделаешь, — вздохнул маркер Мишкин. — Я их, между прочим, во время производства поджимать могу. Зачислите!

— Ладно, — махнул Костя. — Иван Семеныч! Вот вам манекен. С него и шейте рубахи. Женат?

— Так точно. Может, супругу нашу в манекенихи зачислите?

— Не надо. Осваиваем специально мужское.

Через два дня Костя Безубов внимательно осматривал материал для пижам. В комнате стояло сплошное сверканье от бешено-зеленых, еще не выдуманных розовых, желтых и небесных тонов. Казалось, что это не куски материй, а несколько изломанных радуг, наспех завезенных на грузовике.

— Из этого и шейте, — бросил Костя Безубов, — чай, не на бывших монахов шьем. Трудящийся краску любит. Днем работает, пусть вечером в цвету ходит.

Дальше дошла очередь до галстуков. Пожилая художница, начавшая еще в 1888 году большое полотно — березу под дождем — и до сих пор не окончившая его, была призвана в консультанты.

— В галстуке должен играть Париж, — директивно сказала она, — пусть азиатские племена носят синие в крапинку. Мы Европа. Нам нужен галстук-порыв. Галстук-недопетая песня. Галстук-сонет. Сиреневый сон, желтые крапинки и зеленая полоска. Компонент!

— Вуй, — тактично согласился Костя, — заказывайте, мадам товарищ.

Работа закипела. Через полтора — два месяца на витринах городских магазинов появились первые результаты костиних мероприятий.

— Я купил у вас пижаму цвета апельсиновой корки с небесным отливом, — грустно жаловались продавцам удрученные покупатели, — нельзя ли ее переменить на какой-нибудь более грустный цвет. Хотя бы на светлозеленый. Его еще можно вытерпеть.

— Рекомендую голубую с желтыми отворота-

ми. Незаменимо для работников умственного труда. Или вот эту — розовую с лиловым.

— Это же цвет гибрида красной смородины с лимонадом. Дайте что-нибудь не особенно страшное.

— Нестрашных не держим, — вздыхали продавцы. — Не такой сезон. Купите рубашечку. Прекрасные расцветки.

— Хорошо. Дайте рубашечку.

С рубашечками было хуже чем с пижамами. Если правые рукава честно кончались немного ниже локтя, то левые настолько перерастали руку, что болтались где-то за кистью на полной и безответственной свободе.

— Ничего не поделаешь, — вздыхали продавцы, — такой манекен попался. Секрет производства. Может, галстучек прикажете?

— Давайте галстук. Этот вот не надо. От него голова кружится. Как на качелях. Дайте поспокойнее.

— Спокойных не держим. Не такой сезон.

В городе начиналась паника. Одинокие мужчины сидели дома в светлозеленых пижамах или ходили друг к другу в гости в рыдающих спектрах галстуках, стыдливо прикрывая их бородами. На службе неответственные работники мучительно вылавливали руки из раскинутых по столам необозримых рукавов рубашек.

Приезжие внимательно осматривали этих измученных индивидуумов и недоумевающе спрашивали:

— Это вы нечаянно или по доброй воле?

Индивидуумы, слепя приезжих мануфактурной раскраской, с тоской кивали на магазинные витрины:

— Посмотрите сами!

И приезжие недоверчиво качали головами. Так же, как и вы, читатель. Может ли это быть? Может ли это быть, чтобы магазины были забиты добротными, хорошими пижамами, но обязательно такого цвета, который бы доставил радость только дикому кочевнику в праздничный день, плотными дешевыми рубашками, рукава которых нормальному человеку надо прищипливать с утра, галстуками, рассчитанными на устрашение окружающих?..

Не верите? Шутники!

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ЛИХАЧ-АЛЛИЛУЙЩИК

Чижик, чижик! Где ты был?
Из популярной песенки

Скромные люди аллилуйствуют робко и вполголоса. Слегка поврут, закатят умиленно глаза и ждут, какое это произведет впечатление.

Но есть аллилуйщики-лихачи. Они врут сплеча, с тонким присвистом и почти бескорыстно: лишь бы вышло красивее.

Увидят, как паровоз на узкоколейке везет три платформы с песком, и начинается бурная истерика:

«Гигантский локомотив бешено мчал по незримым пространствам гигантские глыбы гигантской почвы».

И даже о какой-нибудь вегетарианской столовой, которую еще нужно как следует хлопнуть за невымытые тарелки, такие лихачи-аллилуйщики пишут:

«Изящные повара испекали эластичную морковь в сияющих молодостью кастрюлях. Стальные витамины пенились в бокалах обедающих. Я откусил кусок фаршированной репы, и мне захотелось заплакать от радости!»

И особенно противно раз'ездное аллилуйское вранье, когда журналист, очутившись на периферии, вместо того чтобы осветить подлинное положение на месте, начинает врать на все четыре стороны.

А для того чтобы не быть голословными, приводим весьма показательный пример.

Специальный корреспондент краевой куйбышевской газеты «Волжская коммуна» П. Никишин навел на небольшой городок Нижний Ломов. Неизвестно, что там делал П. Никишин. Очевидно только, что в Нижнем Ломове он пребывал в том хлестаковском настроении, когда Ивану Александровичу все неожиданно понравилось, начиная от богоугодного заведения и кончая рыбой лабардан.

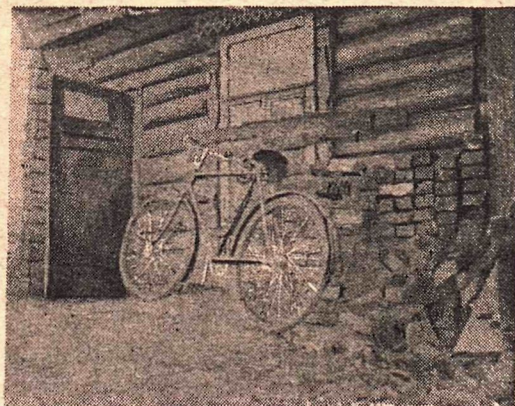
Результатом такого настроения явился очерк П. Никишина о городе Нижнем Ломове «Город благоустривается».

Когда свеженпечатанный очерк прибыл в Нижний Ломов, там его читали от начала до конца, читали с конца до начала, вразбивку, с паузами и под запал и схватились за голову:

— Соври раз, соври два, но зачем же до бесчувствия?

И тогда возмущенные работники районной газеты прислали нам опровержение в самой оригинальной форме: в виде фотографий.

Предлагаем их вниманию заинтригованных читателей.

Никишину показали старый, полуразвалившийся домишко с забитыми окнами и ориентировочно намекнули:

— Здесь будет парикмахерская.

Никишин приосанился и написал:

«Теперь парикмахерская оборудована совершенно по-иному, и ее услугами с удовольствием пользуются местные жители».

— А как у вас насчет театра? — покровительственно спросил раз'ездной Хлестаков.

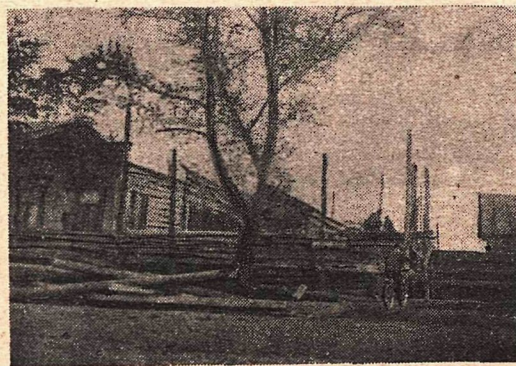
— Будет, — оптимистически ответили местные театралы.

— Раз будет — значит есть! — бойко решил Никишин. — К чему это маловерие и недостаточная осторожность в выражениях? Предлагаю считать театр открытым!

И пишет:

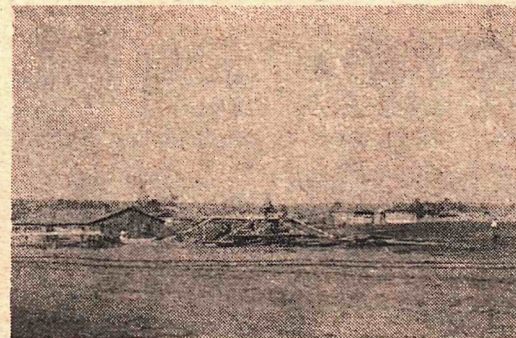
«Заново переоборудовали и открыли театр на 500 мест».

Фактически же будущий театр на 500 мест зафиксирован фотоаппаратом местного любителя так:

Еще неожиданное получилось с центром города и местом массовых зрелищ и прогулок.

По поводу вот такого унылого пейзажа в центре города развязное перо выводит педбно:

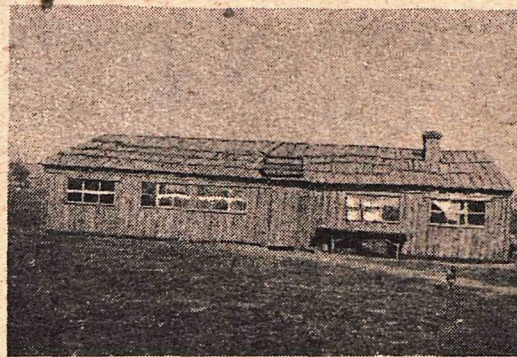
«Центральная площадь города». Разбивается парк культуры и отдыха».

В дальнейшем раз'ездному Никишину очень хотелось что-нибудь написать о благоустроенных отелях, с пружинными матрацами, горячей водой и линкольнами у подъездов, но он временно воздержался. То ли самого покусали клопы в городской гостинице, то ли просто не хватило духу.

Поэтому он пишет сдержанно, но красиво:

«Нижний Ломов показывает другим городам прекрасный образец борьбы за благоустроенный, культурный город».

А предательская фотография рассказывает:

«Нижнеломовский Дом колхозника — самая эффектная гостиница в городе».

Законы природы неумолимы: номер «Волжской коммуны» с очерком П. Никишина дошел до Нижнего Ломова. Номер Крокодила с этими строчками дойдет до куйбышевской «Волжской коммуны».

Интересно, какими глазами редакция посмотрит сначала на фотографии, а потом на своего даровитого сотрудника. И как она расшифрует нашу незамысловатую, но ясную фразу:

— Мы против вранья!

КТО НИКОГДА И НИГДЕ НЕ ПРОПАДЕТ

Документальные выписки из постановлений Президиума Одесского Облпрофсовета

ЗАСЕДАНИЕ 11 ИЮЛЯ

„Заведующего пенсионным отделом тов. Луневского как не справившегося с работой и допустившего ряд крупнейших ошибок с должности заведующего и с работы снять“.

ЗАСЕДАНИЕ 13 ИЮЛЯ

„Учитывая болезненное состояние тов. Луневского и необходимость систематического лечения, выдать ему единовременное денежное пособие“.

ЗАСЕДАНИЕ 15 ИЮЛЯ

„Для укрепления обкома союза овощных совхозов рекомендовать тов. Луневского в качестве члена президиума“.

Рис. А. Толикова

— У вас в билете неразборчиво написана фамилия.
 — Пардон, в таком случае могу предложить мой другой партбилет. Там как будто поразборчивее.

УМНЫЙ СНАРЯД

В ночь на второе ноября ракетный снаряд «Л-2» вылетел из города Ганновера по направлению к Луне без остановок.

Инженер Карл фон Дринке вертел различными рукоятками, увеличивая скорость.

— Пельш, — сказал он молодому ученому, который дожевывал бутерброд и наспех нумеровал в блокноте попутные звездные хвосты, — как отметили газеты наш первый вылет на Луну?

— Простите, господин фон Дринке, — замялся Пельш, успев назвать в блокноте Катей еще не открытую звезду, — я так же, как и вы, уже около года не читал газет.

— Да, мы с вами совсем отстали от жизни, дорогой Пельш, из-за этой работы над снарядом. Впрочем, я велел положить к нам целый пук последних газет. Если запомним о каком-нибудь созвездии, — почитаем на досуге.

Ракетный снаряд с неумолимой быстротой сверлил высоту, заставляя вздрагивать от неожиданности одинокие звезды.

— Пролетели какую-то мутную планету, — деловито констатировал фон Дринке. — Грязноватая местность. Должно быть, не подметали после ледникового периода.

— Приближаемся к очередному созвездию, — заметил Пельш. — Рекомендую назвать вот этот пик Стальным шлемом.

— Не портите звезд, Пельш. Нас второй раз не пустят в небесное пространство. Я...

Голос фон Дринке неожиданно оборвался, ракетный снаряд ударился о что-то мягкое и несколько раз перевернулся, прежде чем Пельш успел открыть стальную дверь и выскочить.

— Вылезайте, фон Дринке! Приехали. Луна.

— Типичный экземпляр Луны! — поживаясь на воздухе после сиденья в снаряде, согласился фон Дринке. — Интересно, где здесь надо заявить о прибытии? Приготовьте, Пельш, чай и достаньте бутерброды.

После легкого завтрака и чая Дринке и Пельш бегло осмотрели крестности.

— Астрономы не соврали, — через два часа заявил Дринке. — Один мертвый ландшафт, потухшие вулканы и абсолютная тишина. Давайте отдохнем и почитаем земные газе-

ты. Надо же быть в курсе текущих событий. Мы вернемся вниз героями. А герои должны знать хотя бы хронику происшествий, не говоря уже о распоряжениях правительства.

— Я представляю себе, как нас встретят, — томно произнес Пельш, раскрывая пакет с газетами. — Общественное мнение нашей страны... Виноват... Тут уж, кажется, что-то есть на счет Луны... Странно!..

Фон Дринке взял у него газету и вполголоса прочел:

«Луна не является чисто арийской планетой. Будучи выдумана голландскими евреями в IX веке до Р. Х., эта спекулятивная планета нахально конкурировала с честным арийским Марсом, который...» Странно!..

— Тут еще есть, — тревожно заглянул в другую газету Пельш, — читайте... «Первый концлагерь на Луне. Ученым Дринке и Пельшу поручено организовать первый концлагерь на кратере вулкана А-9 для лиц, проживающих на Луне без регистрации в местном полицейском управлении». У нас даже и приборов в снаряде таких нет для концлагеря. А не организуем, неприятностей на Земле не оберешься...

— Читайте лучше городскую хронику, — сухопато предложил фон Дринке, — она, кажется, повеселее. Вот, видите, заметка: «Праздник науки». Так... «Во время праздника науки в Мюнхене и Майнце арестован астроном Бунк, открывший новое кольцо вокруг Сатурна без разрешения министерства пропаганды...» Так. Разорвите ваш блокнот, Пельш. У вас матушка и невеста. Не доставляйте им мелких неприятностей вашим арестом. Будьте выше этого.

— А в остальном все благополучно, — робко произнес Пельш, пробега по мелкому газетному петиту. — Профессор Клауд изобрел самодвижущийся письменный стол и бежал за границу, химик Курст заканчивает в тюрьме цикл новых формул, профессору Кашке присуждена персональная тарелка супа по воскресеньям, вашу супругу разыскивают, мой дядя скрывается... Хайль! Дайте мне носовой платок, фон Дринке. Мой уж использован.

Газеты читали почти до вечера, который не наступал, так как Луна сама себя не обслуживает, а других светил для обозначения темноты не было.

— Ну что ж, может, пора и домой, на родину? — неуверенно предложил Пельш, робко подходя к ракетному снаряду. — Летим?

— Не будьте идиотом, Пельш! — резко ответил фон Дринке. — Летите туда, если хотите, один. Оставьте мне только бугерброды. Я лично остаюсь здесь.

— Я с вами! — успокоенно произнес Пельш и потянул какую-то внешнюю рукоятку на снаряде. — Пусть летит вниз пустой снаряд.

Снаряд рванулся и полетел вверх.

— Дринке! — изумленно вскрикнул Пельш. — Снаряд полетел не в ту сторону. Он удаляется от земли.

— Вполне понятно, — усмехнулся фон Дринке. — Он ведь тоже слышал, как мы читали в газетах. Умная машина!

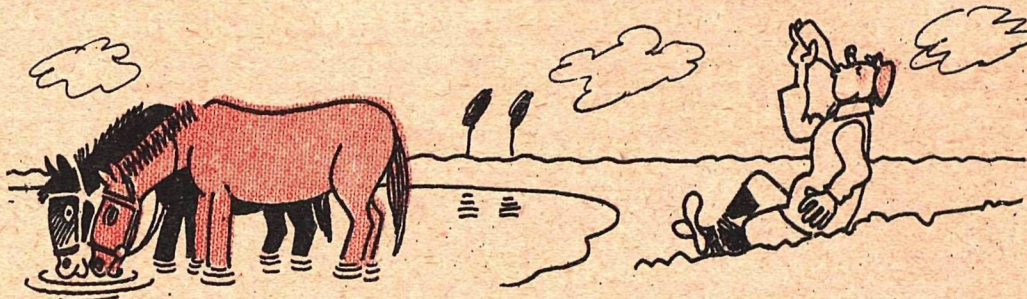
И в его глазах впервые за время путешествия мелькнула гордость изобретателя.

ВЗАИМНЫЕ УСЛУГИ

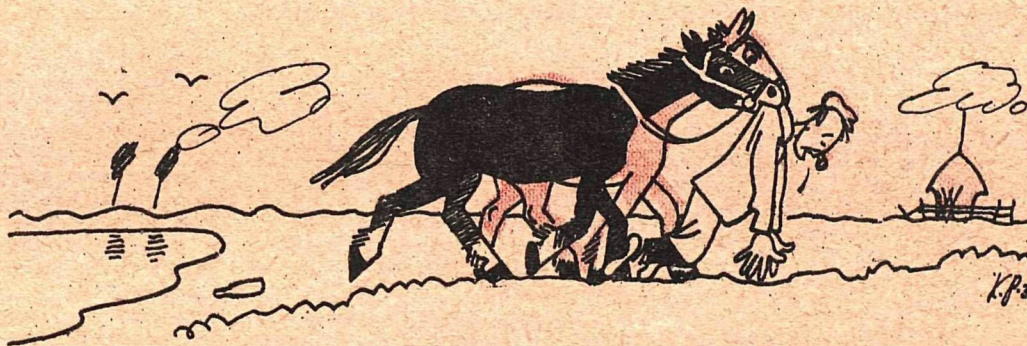
Рис. К. Ротова

Пришли...

Выпили...

Ушли...

ЛИРИЧЕСКОЕ

Ничего не пощадили
Ни хорошее,
Ни хлам.
Все, что было, поделили,
Разломали пополам.

Отдал книги,
Отдал полни,
Не оставил ничего...
Даже мелкие осколки
Отдал сердца своего!

Все взяла!
Любую малость.
Серебро взяла
И жемчуж...
А от сердца

отказалась,
Говорит
другое есть...

СЕМЕН ПИЙ

МОСИФ УТКИН

О СОБЫИ О ТДЕЛ

ОГЛАШЕНИЮ ПОДЛЕЖИТ

По встретившейся надобности мы заинтересовались личностью доктора Н. Что это за человек? Как он работает?

С этими вопросами мы обратились к тов. Багону, парторгу 2-й московской терапевтической клиники. То есть того самого научно-го учреждения, в котором работает интересующий нас доктор.

Тов. Багон был так любезен и немедленно ответил на наш запрос. Но мы затеряли его ответ.

Это, конечно, очень нехорошо. Но делать нечего. Пришлось во второй раз потревожить хорошего человека.

Тов. Багон и на этот раз не замедлил ответом. Но тут случилась небольшая окаяня. В день получения второй справки о докторе, мы, госясь в столе, случайно наткнулись на пропавший документ.

Любопытства ради мы прочитали и первую и вторую справку. Первая гласила:

Доктор Н., очень добросовестный работник, хороший человек, вел кружок по английскому языку с научными работниками клиники. Бригадир по соцсоревнованию.

Парторг 2-й терапевтической клиники Багон

Читаем вторую справку. Читаем раз, второй. Ничего не понимаем. Правда, на второй оправке есть строгая пометка: «Не подлежит оглашению».

Рискуя навлечь на себя гнев Багона, мы все же оглашаем вторую справку:

Тов. Н. будучи ординатором 2-й терапевтической клиники, проявил себя как человек, совершенно не интересующийся общественной жизнью. Отдельные поручения, которые ему давали общественные организации, он выполнял как необходимое зло. Он не скрывает, что его идеалом является самоуспокоенность.

У нас создалось впечатление о докторе Н. как о чужом нам человеке. К работе производственной относится формально.

Парторг Багон

Легат перед нами две справки, написанные одним и тем же Багоном. Об одном и том же человеке. Но какие две диаметрально противоположные характеристики выданы им почти одновременно! Как же нам быть с доктором Н.? Чествовать или гнать в шею? И как быть с Багоном?

ОСВОЕНИЕ КЛАССИКОВ

В Днепропетровске чрезвычайно своеобразно осваивают классиков. Даже такое сомнительное наследство, как «Дети, в школу собирайтесь», наспех переработано местной газетой «Ленинец» к наступившему учебному году и на страницах газеты № 2224 выглядит так:

*На курсы, кадры, собирайтесь!
Идет учеба уж давно!
Попроворней подвигайтесь!
Вбросьте спячку за окно!*

*Сварщик, слесарь, станковой—
Все берется за дела...
На курсы мчится кольцевой,
Летит и токарь как стрела.*

Повидимому, недалеко и до того радостного момента, когда в той же газете появится и следующий шедевр:

«Бабушка козлика очень любила, в техникум сразу его определила — вот как, вот так — в техникум сразу!»

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

На бланке бутовского сельсовета, Городнянского района, Черниговской области, послан такой запрос:

Пред. Терешихского с/сов.,

Дмитриевского района,
Черниговской области.

Уважаемый товарищ!

По встретившимся срочным надобностям, прошу срочно сообщить меня о практикантке-учительнице Носоченко Валент. Гр., которая была в вашем с/совете учительницей в 1932—33 году.

Материал-характеристику нужно прислать до 25/V такой:

1) Как она оправдала себя на работе в школе, а также и на общественной работе.

2) Не имела ли каких-либо моральных взвысканий или компрометирующих материалов.

3) Была или не была замужем у вашего селе и за кем, само какое имела отношение до учителя Калити Вас., который ухаживал за ней. Материал прошу прислать на каждый вопрос мой большевистский ваш ответ без вскрытия, что за ней имелось по селу. Материал можно будет вам унять в того человека, в которого она стояла на квартире.

Еще раз обращаюсь и прошу уважаемый товарищ, чтобы вы послали материал-характеристику мне не позже до 25 мая 1935 году.

Прошу услужить

Председат. с/сов. Лисенко.

А вот нам не встречается надобность доставать «материал-характеристику» уважаемого товарища Лисенко, председателя бутовского сельсовета. Нам эта характеристика ясна. Мы можем даже поделиться ею с читателями: пошляк и обыватель.

И единственная надобность, которая встретилась нам по этому делу, такова: надобно, чтобы руководители Городнянского района оценили отношение любопытного председельсовета к школьной работнице. Вот и все.

МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ РАПОРТ

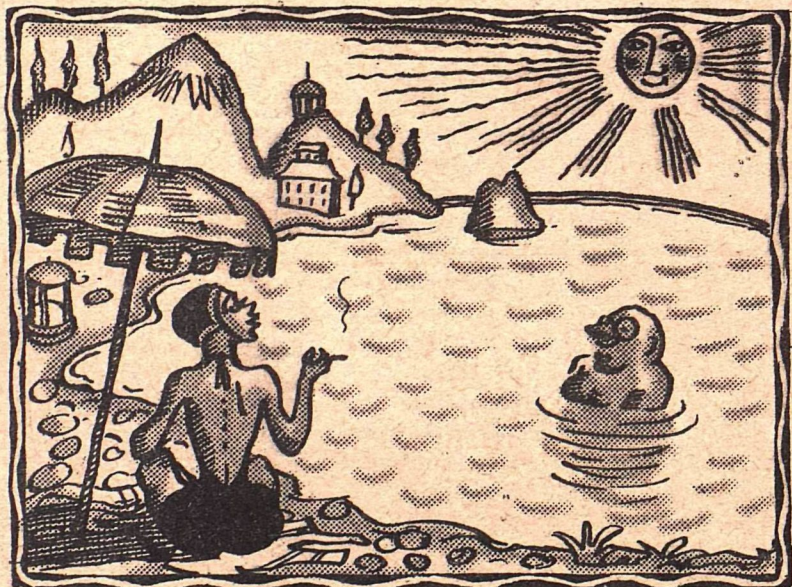
С чувством глубокого прискорбия публикуем фотографию торжественного рапорта Пятихатского райпрофсовета Днепропетровской областной олимпиаде самодеятельного искусства.

Как видно из рапорта, Пятихатский райсовпроф имеет 4 духовых оркестра, 16 драмкружков, 16 струнных, 25 хоровых, 9 танцевальных, 5 художественных, одного неграмотного председателя, одного неграмотного культуринспектора и 27 ошибок в торжественном рапорте.

Печально, но факт!

ПРОРАБОТАННАЯ ПОСЛОВИЦА

Рис. Н. РАДЛОВА

На то и щука в море...

... чтобы мелкие караси могли дремать у себя в канцеляриях.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Наднях моя жена получила мое письмо, посланное ей из Харькова в Макеевку в 1932 году. Найдя такой срок более чем следует продолжительным, я заинтересовался причинами такого необычного явления и выяснил следующее.

В 1932 году харьковские почтовики решили отремонтировать почтовые ящики. Со спокойной совестью они сняли их вместе с письмами и заменили новыми. В течение трех лет, очевидно, руки как-то не дошли до ремонта. Новые ящики тоже поломались.

Тогда отремонтировали прежние, письма из них спустя три года вынули и разослали адресатам. Мораль отсюда ясна: в конце концов справедливость все-таки торжествует, и не пройдет трех — четырех лет, как твое письмо все же дойдет по адресу.

Р. СКОРЕНЦЕВ

Харьков

Милый Крокодил!

Сообщаю тебе любопытный штрих из пассажирских переживаний на ст. Бахмач. На перроне, в буфете и в зале ожидания висят четверо часов. В тот момент, когда на наших — правильных — часах было 6.20, вокзальные показывали: одни — 5.25, другие — 5.35, третьи — 5.20 и четвертые еще раз — 5.25. Спрашивается, какие часы пассажир обязан считать точными: которые опаздывают на 1 час или на 45 минут?

Пассажиры Д. ПОЗДНЕЕВ,
В. НЕЧИПЕРОВИЧ

Милый Крокодил!

Именно, как это говорится: одному все, а другим ничего. У вас, в больших городах, нет даже двух одинаковых улиц, а у нас, в Кемерове (Западно-Сибирский край), на один маленький городок имеется целых восемь улиц с одинаковым названием — Нахаловка.

Не можешь ли ты повли-

ЛОЖНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Рис. А. Топикова

— Ну и суп вы мне дали: хуже чем вчера!
— Это уж врте, товарищ! Суп-то я подал вчерашний.

ять на наш горсовет? В конце концов Нахаловка — не такое уж радостное название для улицы советского города, и к чему такая безумная роскошь, как восемь улиц с одинаковым ругательным названием?

А. МАРЬЯСОВ

г. Кемерово

Дорогой Крокодил!

Куйбышевский парк культуры заказал местному котельному заводу аттракцион «Вертикальное колесо». Не знаю, было ли указано при заказе, что колесо должно вращаться. Во всяком случае, весь 1935 год вертикальное колесо, на которое затрачено 37 тысяч рублей, простояло в парке без движения и даже из вежливости не повернулось хотя бы один раз. Объясни нам, в чем здесь дело и что, собственно говоря, является аттракционом: то ли, что выкинуто на ветер 37 тысяч рублей, или то ли, что котельный завод не смог сделать такой несложный аппарат?

Ф. НИКИФОРОВ
И ДРУГИЕ.

г. Куйбышев

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ „ТВОРЧЕСТВО СО ВЗЛОМОМ“

Под таким заголовком Крокодил привел в № 21 снимки двух картин. Одна из них — батальная картина английского художника — была напечатана тридцать один год назад в журнале «Огонек», в № 29 за 1904 год. Вторая картина появилась в 1935 году. Во всех своих деталях, вплоть до мельчайших, она копировала картину английского баталиста, с той только разницей, что подпись на ней стояла другая, а именно: С. Терниловский.

Оргкомитет союза советских художников Украины согласился с Крокодилем, что в данном случае имеет место стопроцентный плагиат. По постановлению комитета союза советских художников Украины, Терниловский исключен из состава творческого актива художников и снят с контрактации.

„ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА“

Шадринский горсовет, Челябинской области, вопреки существующим законам о хлебной торговле, предложил отпустить хлеб членам горсовета по предъявлению членских билетов горсовета без очереди.

Распоряжение шадринского горсовета Крокодил опубликовал в № 20. Президиум челябинского областного исполнительного комитета признал, что факты, указанные в заметке Крокодила, полностью подтвердились. Распоряжение о внеочередном отпуске хлеба членам горсовета отменено. Автор распоряжения — секретарь горсовета Евстигнеев — снят с работы и исключен из партии.

Президиум областного исполнительного комитета предупредил все районные исполнительные комитеты и городские советы, что в случае повторения фактов нарушения закона о хлебной торговле виновные будут преданы суду.

„ЦНИИМКР—ЦБК“

В № 20 журнал Крокодил предложил своим читателям расшифровать эти таинственные слова — «ЦНИИМКР—ЦБК». Оказывается, подобными головоломками заполнен чуть ли не весь журнал «Советское краеведение».

Президиум центрального бюро краеведения предложил работникам бюро краеведения и Научно-исследовательского института методов краеведной работы в своих работах не допускать сокращения слов, непонятных читателю и засоряющих русский язык. Редактор журнала Кавчнев за целый ряд ошибок, допущенных им в своей работе, освобожден от должности ответственного редактора журнала «Советское краеведение».

„ТРЕБУЕТСЯ СВИНОЕ САЛО“

Читатель А. И. Стефанов из Киржача, Ивановской области, сообщил нам, что в местной аптеке согласились приготовить мазь для лечения глаз только в том случае, если он достанет ложку топленого свиного сала.

Крокодил опубликовал письмо тов. Стефанова в № 22. Ивановское областное аптекоуправление теперь нам сообщает, что письмо полностью подтвердилось. На заведующего аптекой Ковальского наложено административное взыскание. Непорядочности со снабжением аптеки топленным салом устранены.

Рис. Л. Бродаты

Последняя вещь популярного писателя

ПЯТЬ ВАСИЛИЕВ

Был парень Василий — слесарь первой руки. И вот он работал на заводе. А в завкоме сидел председателем тоже Василий. Тот токарь был.

И вот приходит лето, август месяц, а тут у директора (его тоже Василием звали) жена раньше срока рождает. Выходит — директоровой путевке пропадать.

Сидит председатель Василий за своим дорогим письменным столом и льет слезы.

Ладно. А мимо в это самое время проходит по своей нужде четвертый Василий. Он теперь модельщик. Он раньше тоже в председателях ходил, а потом его выгнали. Он, оказывается, был бюрократ.

Вот он у второго Василия спрашивает:

— Ты чего, Вася, плачешь?

И тут ему второй Василий все подробно объясняет.

А четвертый Василий смеется:

— Экий ты, говорит, Вася, глупой, да неразвитой! Мы это тебе, Вася, в один секунд все устроим. Путевку как рукой снимет.

И тут же четвертый Василий приводит к председателю своего знакомого доктора (тоже Василием звать), и тот доктор Василий соглашается с удовольствием поехать по этой путевке на курорт.

Вот приезжает он на курорт.

Директор санатория с радостью берет у него путевку, разворачивает ее и вдруг начинает плакать горючими слезами.

— Директор, директор, чего ты плачешь?

Отвечает ему директор человеческим голосом:

— Экой вы, доктор, непонятливой. Вы бы, чем меня спрашивать, лучше бы свою путевку рассмотрели.

Посмотрел доктор на свою путевку, упал тут же на мать-сыру землю и в свою очередь залился слезами.

Оказывается, на путевке напечатано: «Только для рабочих».

Понстраился доктор на обратный билет, вернулся на завод, отдал путевку второму Василию, который председатель, а сам к родным на дачу поехал.

И так проходят день, и два, и три. И вот уже прошла декада. Пропадает путевка. А за путевку деньги плочены.

Снова сидит второй Василий за своим письменным столом и льет слезы.

И вдруг мимо проходит первый Василий — слесарь первой руки. Председатель его кличет:

— Василий, вот тебе путевка и поезжай немедленно в город Ялту, на курорт.

А Василию, между прочим, в город Ялту совсем неинтересно ехать, да и отпуск он рассчитал на сентябрь, чтобы вместе с женой. Но председатель ему оказал — не портить отчетность, и Василий поехал.

Приехал он в Ялту. Осмотрели его доктора, лечение прописали. Сходил он выкупаться в море, полжило винограду купил. А пока он тот виноград сел, как раз и кончился срок путевки. Попрощался он с докторами и сестрами, сел в поезд и вернулся на завод.

Вот как председатель одной путевкой трех Василиев курортом обеспечил.

И. БУШУЕВ

ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ БЛЕСНУТЬ ЭРУДИЦИЕЙ

перед своими знакомыми, можете небрежно вставить в разговор:

— А знаете, между прочим, одеколон-то изобрел в Кельне в половине восемнадцатого века некий Иоганн-Мария Фарина. Ловкий был парень!

Тут же попутно можете еще несколько приврать по поводу этого самого Иоганна-Марии. Что, мол, был симпатичный брюнет, любил покушать и писал стихи о воробьях и умер он в 1776 году, и вам от этого почему-то грустно.

Если ваши знакомые—люди неопытные и восторженные, — они сразу вас начнут уважать за столь подробные сведения об изобретателе одеколona.

Но если вы очутитесь в компании просто умных и толковых людей—ничего не говорите им об Иоганне-Марии Фарине, а упомяните о себе:

— Я каждый день пользуюсь тройным одеколоном „ТЭЖЭ“ № 3.

И вас будут уважать вдвое.

Потому что одеколон должен быть в обиходе каждого культурного человека, а одеколон „ТЭЖЭ“ № 3 самый популярный и дешовый.

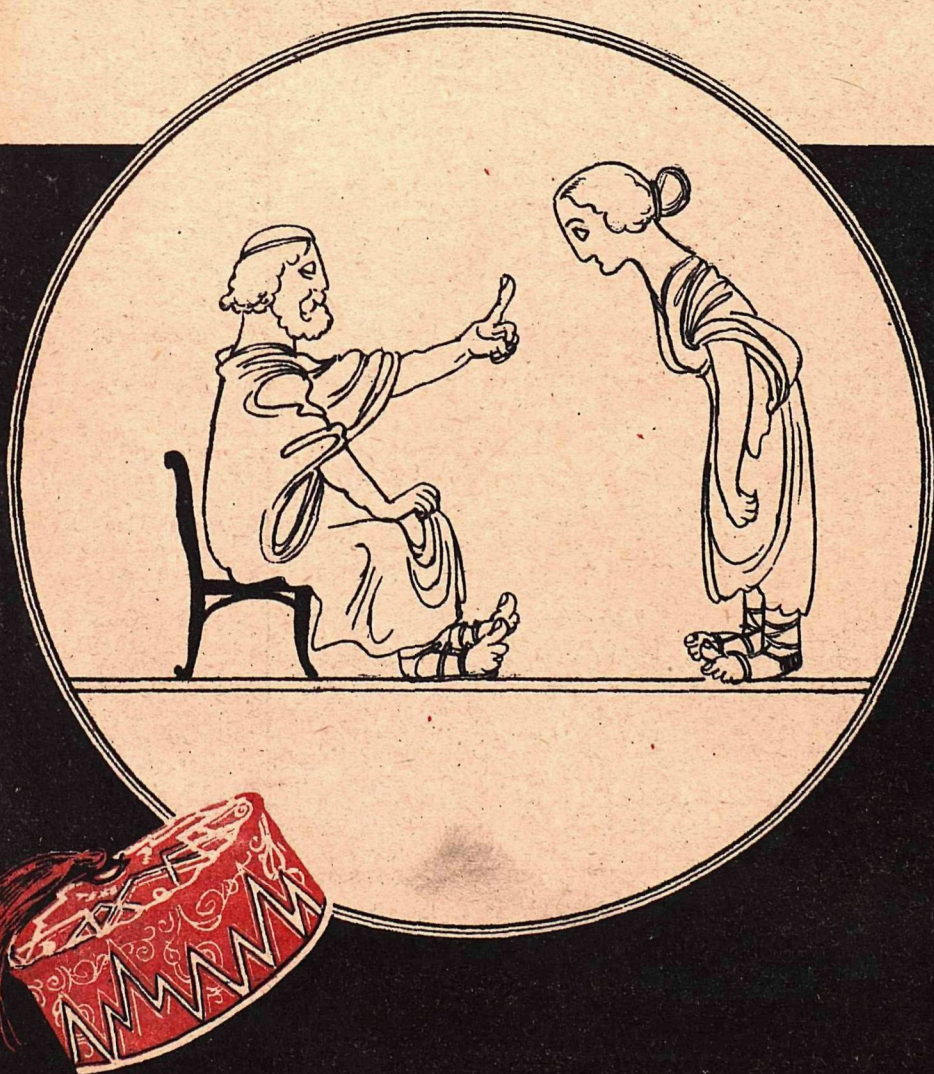
При детях об одеколоне можете не упоминать, хотя они поверят вам на слово. Но если вы хотите заполучить их расположение, упомяните при них и тоже вскользь:

— А я знаю одного мальчика, который такой чистый, такой чистый...

И дети вам ответят хором:

— Знаем, знаем—он моется детским мылом госфабрики „ТЭЖЭ“

Быстро согласитесь с ними,—потому что это действительно лучшее детское мыло. И вот ваш успех в обществе взрослых и детей обеспечен. И посмотрите,—как все просто!

РАЗРЕШЕННАЯ ПРОБЛЕМА

К философу Платону пришла однажды довольно неказистая девушка и спросила:

— Учитель! На мне хочет жениться один человек с сильным физическим недостатком. Следует ли мне соглашаться?

— Смотря по тому, какой у него недостаток,—ответил Платон.— Во всяком случае, если он слепой,—соглашайся немедленно. Тогда твоя наружность никогда не будет предметом его разочарования. О том, как поступила упомянутая девушка, нам неизвестно. Думаем, что она послушалась совета Платона.

Нам известно лишь одно, что привлекательная внешность, не являясь решающим моментом, все же никогда не мешала ни одной женщине в ее личной жизни. А одним из необходимых элементов гигиены и привлекательной внешности является чистая кожа лица.

Как же ее достигнуть?

На это есть тысяча ответов. Приводим только один из них—наиболее краткий и конкретный:

— Употребляйте пудру „КРАСНАЯ МОСКВА“ и крем „КРАСНАЯ МОСКВА“, производства „ТЭЖЭ“.

М7472-V

ХОРОШЕГО ПОНЕМОЖКУ

Рис. К. Ротова

— А почему этот дом отдыха называется однодневным?
 — Потому что больше одного дня здесь никто не выдерживает.